

© 2015 г.

П.Ю. РАХШИР

**ЛИБЕРАЛИЗМ. ДЕМОКРАТИЯ. ИМПЕРИЯ.
ОРИГИНАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ США**

На первый взгляд, название новой монографии¹ известного российского американиста, доктора исторических наук, профессора, руководителя Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН В.В. Согрина может показаться претенциозным. Представить историю такой страны, как США, за столь длительный и чрезвычайно насыщенный период в одном, пусть даже достаточно объемистом томе, можно счесть едва ли выполнимой задачей. Однако следует признать, что заглавие книги вполне адекватно ее содержанию. Она является несомненным успехом автора. Причем именно успехом, а не удачей, поскольку удача предполагает определенную дозу случайности, а в связи с книгой В.В. Согрина речь должна идти о закономерности успешного результата. Дело не только в том, что этот труд базируется на внушительном массиве источников и литературы, в том числе и на его собственных многочисленных работах. Главная предпосылка успеха – избранный автором исследовательский ракурс.

В.В. Согрин справедливо полагает, что решить задачу глубокого и всеобъемлющего раскрытия пути американской цивилизации “можно только посредством анализа как внешней, так и внутренней политики США, причем в их единстве и взаимосвязи”. Раскрытие роли трех выделенных в заглавии феноменов в одном исследовании “позволяет понять и объяснить, как совмещаются и уживаются в американской истории три столь разнородных и даже, казалось бы, несовместимых явления” (с. 7). На протяжении американской истории эти феномены сочетаются постоянно, но по-разному: “иногда органично, иногда противоречиво” (с. 8). То обстоятельство, что диалектика их взаимоотношений в отечественной американистике и в зарубежной историографии изучена сравнительно слабо, побудило автора избрать такой исследовательский маршрут.

“Демократия, – подчеркивает В.В. Согрин, – является важнейшим архетипом цивилизации США. И хотя на разных исторических этапах американская демократия претерпевала изменения, порой существенные, ее архетип, оформившийся в зрелой форме в период образования США, был непоколебим” (с. 545). Взаимосвязь демократии и либерализма вполне очевидна. Тем не менее, возникает вопрос, насколько сочетается с выделенной триадой феноменов тот факт, что с середины XX в. в общественно-политической и духовной жизни США столь значительную роль стал играть консерватизм. В.В. Согрин отмечает, что в США изначально складываются две модели либерализма: демократическая и элитарная. Особого внимания заслуживает следующая мысль автора: “признавая различие между двумя моделями, его нельзя преувели-

---

Рахимир Павел Юхимович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Пермского государственного университета.

¹ *Согрин В.В.* США в XX – XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М.: изд-во “Весь Мир”, 2015, 592 с.

чивать. Для них обеих независимый индивидуум, свободно собой распоряжающийся и несущий личную ответственность за свои жизненные успехи или неудачи, является центральной фигурой и ценностью американского общества” (с. 11). “Эта максима, – продолжает свою мысль В.В. Согрин, – определенным образом мифологизированная в национальной ментальности и государственных доктринах, стала основополагающей социокультурной характеристикой нации в целом, а не только верхних слоев”. Особенно значима для понимания американской истории заключительная часть авторской мысли: “она (максима. – *П.Р.*) смягчала и затушевывала социально-классовые конфликты, что было отчасти следствием идеологических манипуляций верхнего класса, но, главным образом, результатом того, что противоречия между постулатами либерализма и общественно-политической практикой не были драматическими” (с. 11).

Ключевую роль играет суждение автора о двух моделях либерализма: демократической и элитарной. В этом отражена генетическая специфика американской общественно-политической структуры. В отличие от Европы, где консерватизм возник как реакция на буржуазные революции, прежде всего на Великую французскую революцию, в США либерализм и консерватизм имели общие корни в Американской революции. Конечно, уже среди “отцов-основателей” историки находили черты, предвещавшие консерватизм. В этой связи в книге упоминаются Дж. Смит и Ч. Бирд, которые в начале XX в. выдвинули концепцию о консервативных намерениях “отцов-основателей”, нашедших воплощение в Американской конституции. Вместе с тем, специфика генезиса либерализма и консерватизма в США побуждала других известных историков, в частности Л. Харца, еще в середине XX в. ставить под сомнение наличие в США консервативной традиции. Такому представлению способствовала запоздавшая и притом неофициальная самоидентификация двух ведущих американских политических партий в качестве либеральной и консервативной. “В новейший период, – отмечает В.В. Согрин, – позицию Демократической партии неизменно называют либеральной, а позицию Республиканской партии – консервативной” (с. 264). К этому времени уже свершилась историческая инверсия: “принимая эти определения, напомним, что в США начиная с Ф.Д. Рузвельта, либерализм был равнозначен социальному либерализму, а консерватизм, так или иначе, воспроизводил постулаты классического или индивидуалистического либерализма” (с. 264). Несмотря на довольно острую конфронтацию между демократами и республиканцами, обе партии оставались в лоне либерально-демократической системы, поэтому либерализм в широком смысле слова можно и теперь считать одним из трех китов, на которых эта система зиждется.

Весьма основательно, а потому и убедительно раскрывается непростая взаимосвязь между либерализмом и империей. Можно сказать, что Америка была геополитически и ментально обречена на статус империи, первоначально “континентальной”, а затем и в мировом масштабе. На первый взгляд, имперские амбиции США определялись главным образом экономической экспансией еще с рубежа XIX – XX вв. В.В. Согрин согласен с тем, что “экономический фактор действительно оказался весьма значительным в формировании экспансионистской политики США той эпохи”. Однако такой подход, на его взгляд, все-таки был бы односторонним: “конкретно исторический анализ рождения империи вступает в определенное противоречие с экономическим детерминизмом”. “Совокупное рассмотрение источников, – продолжает автор, – обнаруживает, что среди мотивов американской нации, ее интеллектуальных и политических лидеров преобладают не материалистические, а идеальные мотивы, а главный из них – распространение Соединенными Штатами в мире передовой цивилизации, культуры и, в первую очередь, демократии и народного суверенитета” (с. 82).

Рассматривая побудительные мотивы американской внешней политики в начальный период формирования имперской идеологии, В.В. Согрин принимает во внимание как экономическую ее детерминанту, так и мессианскую, отмечая при этом, “что мессианской идеологии во многих отношениях принадлежала инициативная роль” (с. 82).

Трем основным компонентам имперской идеологии, разрабатываемой политической и интеллектуальной элитой – экономика, политика, демократический экспансионизм – отводилась чаще всего равная роль. Представали они в разных сочетаниях.

В книге дается сжатый, но чрезвычайно насыщенный анализ зарождения имперской идеологии. Уделяется внимание ее виднейшим представителям. Вполне обоснованно, что в центре внимания оказываются два президента США: Теодор Рузвельт и Вудро Вильсон, чьи взгляды и политическая практика явились наиболее яркими образами имперского мессианизма. Т. Рузвельт ассоциировался с “реалистическим” вариантом внешнеполитической стратегии, а В. Вильсон – с “идеалистическим”. Сопоставляя их идеологию и практику, В.В. Согрин приходит к заключению, “что непроходимой пропасти между ними нет, а реализм и идеализм являются различающимися средствами достижения единой цели расширения американского внешнеполитического влияния” (с. 88).

С Т. Рузвельтом связана концепция “социального империализма”. Будучи последователем “нового” социального либерализма и прогрессизма, Т. Рузвельт был убежден, “что социальный мир внутри США, стабильная внутривластная демократия не могут быть утверждены без использования внешнеполитического фактора, в первую очередь увеличивающихся прибылей на мировом рынке” (с. 89). О том, насколько весом имперский фактор в американской истории свидетельствует массовая поддержка имперской политики. Хотя против нее выступали созданные во многих городах антиимперские лиги. Громко раздавались возмущенные голоса чернокожих лидеров, Б. Вашингтона и У. Дюбуа, “разгребателей грязи”, видных интеллектуалов У. Джеймса, Т. Веблена, великого писателя М. Твена и других известных американцев. “Но, – как пишет В.В. Согрин, – голоса этих людей тонули в американском имперском хоре, а общее число антиимпериалистов не превышало 1 миллиона человек” (с. 93).

“Антиимпериалисты, – отмечает автор, – приводили убедительные аргументы, показывающие, что имперские планы правительства противоречат заповедям Т. Джефферсона и А. Линкольна, принципам Декларации независимости и Конституции США” (с. 93). Империалисты противопоставили им достаточное количество своих аргументов, которые для большинства нации выглядели более убедительными. Началось создание американской империи, которая обрела реальность в 1898–1903 гг. Правда, короткий рывок в стиле европейского империализма, связанный с именами У. Маккинли и Т. Рузвельта, быстро угас. К тому времени большие колониальные богатства были поделены между европейскими державами. Американский имперский путь оказался иным.

Насколько верно империя избрана в качестве одного из трех краеугольных камней американской истории свидетельствуют, в том числе, и концепции современных американских неоконсерваторов, оказавших существенное влияние на внешнеполитическую стратегию президентов Р. Рейгана и Дж. Буша-мл. Неоконсерваторы, пожалуй, самое “интересное” из идейных течений американского консерватизма. Оно возникло в самое турбулентное время американской новейшей истории как реакция на интеллектуальные протестные движения, в особенности на поборников “контркультуры”, в защиту традиционных американских ценностей. Одной из них, по их убеждению, как раз и была “имперскость”. Еще в 1967 г. появилась программная статья духовного отца неоконсерватизма И. Кристола “Американские интеллектуалы и внешняя политика”. “Трансформация американской республики в имперскую державу, – отмечал в ней Кристол, – резко обострила отношения между интеллектуалами и творцами внешней политики”. Самого Кристола это ничуть не тревожило. Для него термин “имперская держава” – синоним понятия “великая держава”². Весьма актуально звучит и такое утверждение Кристола: “имперским державам, если они хотят действовать эффективно, нужен социальный эквилибриум и у себя дома”³.

² *Kristol I. Neoconservatism. The Autobiography of an Idea. New York, 1995, p. 83.*

³ *Ibid.*, p. 90–91.

Почти 40 лет спустя после статьи Кристола увидел свет объемистый том исторического труда, написанного неоконсерватором второго поколения Р. Кейганом, “Опасная нация”. Многозначителен ее подзаголовок: “Место Америки в мире от ее истоков до начала XX столетия”. “Сегодня большинство американцев, – писал Кейган, – были бы удивлены, узнав что многие в мире рассматривали Америку, даже в период ее детства как очень опасную нацию”⁴. Для этого было немало причин: постоянное стремление американцев к расширению своей территории и влияния. Это испытали на себе прежде всего их соседи. Абсолютистские режимы Европы опасались Америки, видя в ней революционную угрозу. Что касается его книги, то она, по словам самого Кейгана, “является попыткой рассказать нашу историю, которая в большей мере была бы историей экспансии и амбиций как идеалистических, так и материалистических, чем примером изоляционизма и городов на холмах”. Особого внимания заслуживают слова Кейгана, сказанные им в интервью по поводу его книги: “а) нам не следует пытаться остановить распространение наших принципов и нашего влияния; б) мы не смогли бы остановить это, даже если бы захотели, потому что идеологическая экспансия в нашей ДНК”⁵. Создается впечатление, что “Опасная нация” – это своего рода попытка убедить американцев, что мессианский дух является их врожденным свойством.

Внешнеполитическим воззрениям неоконсерваторов уделено столь много внимания, потому что они наложили мощный отпечаток на внешнюю политику и имперскую идеологию США. Правда, дело не только в них самих, а прежде всего в том, что их взгляды были восприняты Р. Рейганом и Дж. Бушем-мл. как свои собственные. Именно в этом смысле можно, на наш взгляд, понимать слова автора о том, что неоконсерваторы пришли к власти в годы правления этих президентов. Внешнеполитический аспект был главным элементом идеологии неоконсерватизма. Контрастным по отношению к внешнеполитической стратегии являлись сравнительно умеренные социально-экономические позиции неоконсерваторов, которые отличались и от “рейганомии”, и от “сострадательного консерватизма” Дж. Буша-мл. Неоконсерваторы не отвергали умеренный вариант “государства всеобщего благосостояния”. Они предпочли бы обойтись без бюджетных дефицитов, но это, как признавал И. Кристол, в природе демократии. Чрезвычайно интересно, с точки зрения самоидентификации неоконсерваторов, замечание Кристола о том, что для неоконсерваторов характерна тенденция “искать интеллектуальный ориентир скорее в демократической мудрости Токвиля, чем в торийской ностальгии Рассела Керка”⁶. В плане политической самоидентификации неоконсерватизма, пожалуй, наиболее важным следует признать суждение отца-основателя этого течения, что неоконсерваторы склонны считать своими героями трех президентов: Т. Рузвельта, Ф.Д. Рузвельта и Р. Рейгана⁷. Сам факт присутствия в этом иконостае 32-го президента США свидетельствует о том, что неоконсерваторам не чужды и некоторые тенденции социального либерализма. Поэтому во внутривнутриполитической сфере неоконсерваторов едва ли можно считать антагонистами неолиберализма.

Хотя при администрации Обамы неоконсерваторы утратили возможности оказывать непосредственное влияние на внешнеполитическую стратегию США, тем не менее, они остаются ферментом имперской идеологии. Подтверждением тому вполне может послужить недавняя статья У. Кристола в “Уикли стандарт” под вызывающим названием: “Буш был прав”. Автора ободрили данные опроса СНН, в соответствии с которыми Буш получил одобрение 52% опрошенных против 43%. Не отрицая, что президент допускал ошибки, сын отца-основателя неоконсерватизма утверждает, что Дж. Буш-мл. “был прав в том, что нет замены американскому лидерству в опасном

⁴ Kagan R. *Dangerous Nation*. New York, 2006, p. 3.

⁵ Robert Kagan. Interviewed about his New Book, which Claims Americans were never Isolationists. – Frontpage Mag.com 12-8-6/<http://archive.frontpagemag.com/readArticle.aspx?ARTID-1136>

⁶ Kristoll I. *The Neoconservative Persuasion*. – *The Weekly Standard*, 2003, August 25, v. 8, №47.// <http://www.weeklystandard.com/Content/Public/Articles/000/000/003/000tzmlw.asp>

⁷ Ibidem.

мире”, что “упреждающие удары могут быть иногда необходимы в столкновении с угрозами XXI века”⁸.

Говоря о книге В.В. Согрина, необходимо отметить присущий ей концептуальный характер. Причем это концептуальность органичная, а не априорная. Автор идет от источников, поэтому исторический процесс предстает полнокровным, а не схематичным. В.В. Согрин раскрывает логику американской истории, исходя из нее самой. Раскрывается взаимодействие далеко не всегда очевидное, а порой даже причудливое, триады ключевых факторов процесса. Тем самым выявляется динамика социально-экономического, политического, социокультурного развития США. Таким образом, особенно рельефно высвечивается специфика каждого отдельного этапа исторического процесса. Конечно же, их своеобразие определяется не только внутренней динамикой. С конца XIX в. США активно включаются в мировую политику, открывают для себя новые возможности, сталкиваются с новыми вызовами.

Хронология книги несколько шире, нежели в оглавлении. Это вполне оправдано, так как “позолоченный век” – необходимая увертюра: “процессы, запущенные в США под воздействием Гражданской войны 1860-х гг., – пишет автор, – укоренились в последующие 50 лет и получили законченное выражение в 1910-е гг.” (с. 25). Ключевой тенденцией этого полувекового периода было выдвижение на доминирующую позицию крупных корпораций, что сказывалось на всех сферах жизни страны. Особого внимания заслуживают слова автора о том, что “сама эта тенденция и ее следствия в течение полувека развивались неоднозначно” (с. 25). Эти слова автора могут служить своеобразным камертоном всего исследования. О чем бы ни шла речь в книге, автор стремится избежать упрощенного однозначного подхода. Не случайно на ее страницах нередко встречается понятие “парадокс”, отражающее то обстоятельство, что результаты подобного анализа фактов или явлений приводят порой к парадоксальным результатам.

В.В. Согрин придерживается устоявшегося канона, по которому последняя треть XIX в. с легкой руки М. Твена именуется иронически “Позолоченным веком”, а за первым десятилетием XX в. закрепилось определение “Прогрессивная эра”. Это последнее определение автор в отличие от некоторых историков воспринимает без малейшей иронии. Существует традиция, в соответствии с которой “подвиги” “баронов-разбойников”, а затем оцивилизовавшихся “капитанов большого бизнеса” заполняют авансцену того времени. В результате создается представление о всевластии большого бизнеса. В этой связи сразу же вспоминается “Железная пята” Дж. Лондона. Однако В.В. Согрин показывает и другую сторону медали. Против могущественных корпораций выступило популистское движение. «В период “Позолоченного века”, – пишет он далее, – в США впервые оформилось национальное рабочее движение, в котором весомы были радикальные тенденции» (с. 42). Особенно интересен такой факт: “наряду с фермерским и рабочим движением вызов верхнему классу бросили интеллектуалы, среди которых идеологически выделялись интеллектуалы из академических кругов” (с. 42). По праву центральное место отводится социологу Л. Уорду, выступившему с резкой критикой социал-дарвинизма. Именно Уорд, – подчеркивает В.В. Согрин, – сформировал важнейшие принципы обновления основополагающей национальной идеологии – либерализма. Этот обновленный вариант со временем в мировой либеральной мысли стал именоваться новым или социальным либерализмом. С середины XX в. именно этот вариант стал отождествляться в Соединенных Штатах с либерализмом в целом”. Между тем классический либерализм, “ипостась грубого индивидуализма, со временем, а с середины XX в. окончательно, стал приравняться в США к консерватизму” (с. 43).

Для понимания американской истории не только “Позолоченного века” и “Прогрессивной эры”, но и последующего времени принципиальное значение имеют суж-

---

⁸ *Kristol W.* George W. Bush Was Right. – *The Weekly Standard*, June 15, 2015, v. 20, № 38 // http://www.weeklystandard.com/articles/george-w-bush-was-right_964919.html

дения автора о специфике американского государства. Оно уже изначально, “с момента возникновения действовало в либерально-демократической цивилизации и выражало и защищало свои собственные либерально-капиталистические ценности” (с. 59–60). В сохранении и развитии этих ценностей прежде всего были заинтересованы те, кто принадлежал к капиталистическому классу, т.е. меньшинству общества. Но американское государство трудно назвать государством меньшинства. Дело в том, “что основная масса американцев всегда разделяла эти ценности, поддерживала защищавшее их государство, не видела им альтернативы” (с. 60). Так было и в период острых социальных конфликтов, которыми ознаменовались конец XIX в. и начало XX столетия. Даже тогда, подчеркивает В.В. Согрин, “большинство участников движений социального протеста хотели всесторонней демократизации либерально-капиталистической цивилизации, а не ее разрушения и замены” (с. 60).

Фундаментальная устойчивость американской цивилизации обеспечивалась сложным взаимодействием триады заложенных в ее фундамент элементов. Однако автор отдает должное и личностным факторам, способствовавшим эффективности триады. Речь идет о лидерах двух ведущих американских политических партий – республиканце Т. Рузвельте и демократе В. Вильсоне. Автор по праву характеризует их как “прозорливых лидеров”: “их трудно представлять только как ловких политиканов, вознамерившихся с помощью реформ обмануть массы. На самом деле это были именно дальновидные и преданные американским ценностям национальные политики, осознавшие ту меру реформирования общества, которая была необходима для сохранения либерально-капиталистической цивилизации” (с. 61–62).

Следует заметить, что на протяжении всей книги В.В. Согрин уделяет пристальное внимание личностному фактору в американской истории, что тоже в немалой степени поспособствовало тому, что исторический процесс в его труде выглядит живым и полнокровным. Нельзя не сказать, что автор обладает искусством рисовать выразительные политические портреты сравнительно скупыми средствами. Правда, на наш взгляд, он явно пожалел красок для “великого коммуникатора” Р. Рейгана.

Роль, которую американская конституция отводит президентам, создает для них возможность накладывать глубокий отпечаток на внутреннюю и внешнюю политику США. С их именами ассоциируются эпохи и традиции. В ряду таких президентов видное место занимает В. Вильсон. Его неоднозначность, даже противоречивость, привлекает к нему внимание историков. Через его внешнюю политику В.В. Согрин прослеживает имперский маршрут США. Он не согласен с теми, кто воспринимает В. Вильсона как “идеалиста”. На взгляд автора, “между “идеализмом” и “реализмом” при всех их отличиях непреодолимой стены нет, но есть важное принципиальное сходство. Именно по этой причине многие, если не все, президенты-“реалисты” были одновременно и “вильсоновцами””. Принципиальным сходством являлось “убеждение в морально-этическом превосходстве Соединенных Штатов и их предназначении быть во всех отношениях мировым лидером и поводом универсума”. Что же касается важнейших различий, то они “лежат в сфере способов реализации этого убеждения на практике” (с. 133). В эпоху В. Вильсона у США еще недоставало военно-политических возможностей для лидерской роли. Однако через два десятилетия ““сто процентный вильсоновец”, “реалист” и “идеалист” Ф.Д. Рузвельт реанимировал его стратегию, стал последовательно воплощать ее в жизнь” (с. 133–134).

У вильсоновской стратегии оказалось большое будущее. В период “холодной войны” она “служила путеводной нитью как президентам-демократам, так и президентам-республиканцам”. Она не утратила свое значение и после окончания “холодной войны”. “Есть основание заключить, – полагает В.В. Согрин, – что вильсоновская модель миропорядка явилась чертежом, а впоследствии плотью и кровью американской либерально-капиталистической империи”. “Она, – пишет автор далее, – выступила с одной стороны исторической альтернативой ленинизму и коммунистическому интернационализму (мировой коммунистической революции), а с другой – классическому имперско-колониальному капитализму” (с. 134).

В.В. Согрину удается по-своему взглянуть не только на людей, но и на времена. Обычно период 1920-х годов, за которым закрепилось определение “эпохи процветания” или “процветания”, рассматривается как преддверие “великого кризиса”. Между тем, анализируя этот период в контексте американской истории XX и XXI вв., В.В. Согрин подчеркивает его роль в долгосрочном историческом плане: 1920-е годы оказали огромное воздействие на социальное, и особенно на социокультурное развитие США. “Это влияние, – продолжает он свою мысль, – не было пресечено даже экономическим коллапсом 1929–1930 гг., оно впоследствии возродилось, а современная Америка в ряде важных отношений, особенно опять-таки в социокультурном, “стоит на плечах” 1920-х гг.” (с. 138).

Главным бенефициарием экономического роста 1920-х годов, по словам автора, был крупный бизнес, однако “плоды этого роста также способствовали улучшению положения и других слоев, но распределение благ, как и в предшествующий исторический период, оставалось в высшей степени неравномерным” (с. 140). Разрыв между 20% американцев, в состав которых входили верхний и средний класс, и нижним классом еще более вырос. Тем не менее, это не привело к усилению социальной напряженности и росту социальных конфликтов. Более того, по сравнению с предшествующими десятилетиями “процветание” выглядело как период социального мира. Причину этого В.В. Согрин усматривает в социально-психологическом климате эпохи: “В 1920-е гг. большинство американцев подчинялись индивидуалистической ментальности и следовали “господствующим социокультурным нормам”. А среди них на ведущую роль выдвинулся консюмеризм – приобретение и потребление товаров, которые обеспечивали комфортное существование, что не менее важно воспринималось в массовом сознании как метка принадлежности к респектабельным слоям общества” (с. 142). Конкретная суть консюмеризма раскрывается на базе сжато, но тщательно отобранного статистического материала.

“Потребительское сознание и потребительская культура в качестве основополагающего общенационального феномена оформляются именно в 1920-х гг.” – таково суждение автора, перебрасывающее мост от далекой эпохи к современности. Он воздает должное стратегическому инстинкту лидеров американского большого бизнеса: “роль консюмеризма как противоядия от классового самосознания и важного инструмента достижения социального мира и согласия осознавали дальновидные представители предпринимательского класса” (с. 143). Естественно в такой связи в первую очередь всплывает имя Г. Форда. Как раз во времена “процветания” был вброшен лозунг “Форд победил Маркса”.

Характеризуя эпоху “процветания”, В.В. Согрин пишет: “классический классовый конфликт в 1920-е гг. резко пошел на убыль, а на первый план вышли конфликты иного рода. Главный среди них можно определить как социокультурный” (с. 143). Прежде всего имеется в виду “резкое изменение соотношения между традиционными и современными ценностями” Опять-таки сжато, но выразительно автор рисует картину победного шествия массовой культуры. Ее самым эффективным двигателем стала киноиндустрия: «каждую неделю 100 миллионов американцев... ходило в 20 тыс. “храмов” самого массового из новых массовых искусств. Эти новые “храмы” (кинотеатры) по посещаемости превзошли прежние религиозные, а проповедуемые ими “заповеди” по влиянию стали успешно соперничать с морально-нравственными нормами Священного Писания» (с. 145).

Вместе с тем, «десятилетие “процветания” явилось периодом практически безраздельного господства Республиканской партии, которая на протяжении уже нескольких десятилетий выступала главным оплотом консервативных ценностей» (с. 150). Республиканские президенты царили в Белом доме с 1920 по 1932 г. Лишь на последнего из них, Г. Гувера, обрушился грандиозный кризис. Идеологическим ядром их политики был “твердый индивидуализм”, по сути дела, освобождение частного предпринимательства от внешнего вмешательства государства. Такая политика выражала интересы прежде всего большого бизнеса, но, как подчеркивает В.В. Согрин, “лидерам

республиканцев удавалось создавать в массах представление, что обеспечение полной свободы бизнеса отвечает чаяниям всех американцев” (с. 152). Этим психологическим фактором и объяснялся парадокс эпохи, раскрываемый автором. Республиканцы сумели оседлать благоприятный для них послевоенный цикл, но в конечном счете были раздавлены кризисом, которому поспособствовала их политика. Тем самым были созданы социально-экономические и психологические предпосылки для эпохи Ф.Д. Рузвельта.

На страницах книги В.В. Согрина “новый курс” Ф.Д. Рузвельта предстает не просто в качестве набора антикризисных мер, а как фундаментальная, долгосрочная социально-экономическая и политическая стратегия. В нем 32-й президент США усматривал альтернативу “правому” и “левому радикализму”: “свою роль он видел в том, чтобы спасти американское общество, не разрушая демократические основы, доказать, что его либерально-демократическая программа практически реализуема, может принести народу не меньше, а больше позитивных экономических результатов, нежели авторитарно-тоталитарная практика” (с. 187). Для него существовал выбор только между либеральным и консервативным вариантом политики. Его твердым выбором стал социальный либерализм. Из этого вытекало его отношение к государственной власти. Его позиция заключалась в том, что государство “ради общего блага должно возвышаться над частными интересами отдельных групп, в том числе и над интересами бизнеса” (с. 189–190). Говоря о личности Ф.Д. Рузвельта, В.В. Согрин отмечает такие его качества, как мужество, незаурядная политическая интуиция, воля, готовность идти на риск смелых экспериментов. Он исключал возможность использования авторитарно-тоталитарных методов: “Рузвельт не мог и не желал подавлять политических конкурентов, он хотел обыграть их при помощи демократических процедур, демонстрируя превосходство своего политического искусства, предлагая такие экономические и социальные реформы, которые реально решали накопившиеся проблемы и были бы приемлемы для большинства нижних и средних слоев, как и готовой поддержать их части крупного бизнеса” (с. 191). В этой связи заслуживает внимание такое суждение автора: “в интересах спасения американского капитализма президенту США необходимо было создать такой широкий национальный фронт, какой коммунисты намеривались организовать в целях победы социализма” (с. 191).

В принципе Ф.Д. Рузвельту удалось решить непростую задачу. Об этом свидетельствуют его победы на президентских выборах. Добившись поддержки большинства избирателей в обоих главных регионах страны, Рузвельт стал “первым подлинно национальным президентом” со времен Ф. Пирса, получившего большинство, как на Севере, так и на Юге еще в 1850-х годах (с. 200). Что же касается так называемой “рузвельтовской коалиции”, то она надолго пережила своего создателя. Следует отметить свойственное Ф.Д. Рузвельту глубокое понимание политических и социально-экономических проблем XX в. Характерно, что он пришел к тому, что принято называть “кейнсианством” еще до того, как увидел свет знаменитый трактат британского ученого. Можно сказать, что американцам повезло. В один из самых трудных периодов истории страны в Белом доме оказался человек, выдающегося интеллектуального потенциала, гармонично сочетавшегося с высоким политическим искусством. Правда, нельзя пройти мимо точки зрения, разделяемой серьезными исследователями о том, что при всех позитивных результатах “нового курса”, выйти из экономического кризиса Америке помогла война.

Автор берет Ф.Д. Рузвельта под защиту от упреков тех историков, которые критиковали президента за то, что он недостаточно продвинулся влево. «Политические реалии, диалектика и логика демократической стратегии, – полагает В.В. Согрин, – ставили пределы его дрейфу “влево”, но масштаб этого дрейфа все равно был беспрецедентен в истории американских президентов, государственной власти и политической системы» (с. 198). Говоря об упреках в адрес Ф.Д. Рузвельта за “оппортунизм” и недостаточную смелость, В.В. Согрин справедливо указывает на то, «что президент США следовал классическому для государственного деятеля восприятию политики

как “искусства возможного” и не мог не осмысливать пределов радикального реформаторства» (с. 201). Для понимания сути и масштаба рузвельтовских реформ особое значение имеет следующий вывод автора: “социальные реформы эпохи Рузвельта способствовали дополнению американской политической демократии элементами демократии социальной” (с. 209).

Что касается внешней политики Ф.Д. Рузвельта, то для ее понимания чрезвычайно важна используемая автором характеристика президента как “прагматичного вильсо-нианца”. “Идеализм, – пишет В.В. Согрин, – сочетался у президента с реализмом, восприимчивостью к тем доктринам и решениям, которые в наибольшей степени служили национальным интересам США” (с. 210). Мессианско-имперский тренд все же существенным образом влиял на его внешнеполитическую идеологию и практику: “он был убежден, что американские ценности являются демократической панaceей для всех стран и народов, альтернативой коммунизму, фашизму, тоталитаризму и авторитаризму всех сортов” (с. 211). Рузвельт верил в предназначение США “к распространению либерально-демократического миропорядка и целесообразности его принятия всеми государствами в качестве оптимального варианта” (с. 211). Если говорить об идеалистических мотивах во внешнеполитической идеологии Ф.Д. Рузвельта, то, на наш взгляд, они связаны с оценкой перспектив взаимоотношений США с Советским Союзом, а точнее Ф.Д. Рузвельта с И.В. Сталиным. «Политическому гроссмейстеру Рузвельту, – пишет в этой связи автор, – казалось, что взаимодействуя со Сталиным в “лайковых перчатках”, используя экономическую зависимость Москвы от Вашингтона и обладая “сухим порохом” ядерного оружия, он сможет “полнободно улаживать дела со второй мировой сверхдержавой”» (с. 251).

В.В. Согрин обращает внимание на долгосрочный стратегический характер наследия Ф.Д. Рузвельта. Американский президент своей практикой, а британский экономист Дж.М. Кейнс – теорией задали вектор развития послевоенному Западу на треть века, вплоть до перехода к постиндустриальному обществу. Вопреки довольно распространенному у нас взгляду, автор видит в “справедливом курсе” Г. Трумэна продолжение рузвельтовской социально-экономической политики. Республиканец Д. Эйзенхауэр, как пишет В.В. Согрин, обещал, подобно У. Гардингу, вернуть страну к “нормальности” (с. 261). Определенные меры в этом направлении были им предприняты, но они “оказались явно меньше тех уступок, которые были сделаны наследию Рузвельта – Трумэна” (с. 262). Что же касается президентов-демократов Дж.Ф. Кеннеди и Л.Б. Джонсона, то они пошли еще дальше по рузвельтовскому маршруту. Даже республиканец Р.М. Никсон в 1971 г. идентифицировал себя как кейнсианца (с. 299). Более того, «Никсон побил прежние рекорды не только по прямому вмешательству в экономику, но и по социальному регулированию. Это также произошло вопреки его предвыборному желанию ослабить “государство благоденствия”» (с. 300). Правда, пойти на это президенту-республиканцу пришлось в надежде переломить кризисную ситуацию. Но именно тогда, в начале 1970-х годов, обозначилась необходимость новой экономической стратегии, которая соответствовала бы требованиям постиндустриального общества.

Может показаться странным, что либерально-консервативный консенсус стал стимулом для ренессанса в США консервативной идеологии и политической философии. Это, скорее всего, было обусловлено тем, что консерваторы, с одной стороны, опасались потерять собственное лицо в тенетах консенсуса, а с другой – им было важно отмежеваться от маккартизма. В.В. Согрин выделяет трех консервативных авторов, которые внесли наибольший вклад в этот процесс: П. Вирека, Р. Керка и К. Росситера. Все же следовало бы также отметить выдающийся вклад У. Бакли-мл. Созданный им журнал “Нэшнл ревью” явился первостепенным фактором формирования консервативного движения в США. Одним из его главных редакторов Ф. Майер пытался превратить это издание в платформу для сплочения консерваторов разного толка. До сих пор журнал играет важную роль в общественно-политической жизни США. Именно отсюда исходили сильные импульсы для консервативной волны 1980-х годов.

Период с 1961 по 1980 г. В.В. Согрин характеризует как кульминацию либеральной демократии. Тон задавали Дж. Кеннеди и Л. Джонсон. Стоит отметить, что автор выводит Джонсона из тени его гораздо более популярного предшественника. Их реформистскую смелость, полагает он, “можно объяснить только в контексте общемировых тенденций, потребовавших от лидеров Демократической партии перестройки и укрепления внутривнутриполитических устоев в целях перелома в соотношении сил с главным геополитическим и идеологическим соперником – СССР” (с. 276). “В 60-е гг. в период президентства Дж. Кеннеди и Л. Джонсона, – констатирует автор, – уже в полной мере оформились два главных компонента американского социального государства – социальное страхование, охватывающее всех американцев и социальное вспомоществование, предназначенное для обездоленных слоев” (с. 293). Далее автор приводит убедительные тому статистические доказательства. К тому же в эти годы не было ни одной экономической рецессии.

На таком фоне тем более парадоксальным выглядит бурный подъем протестных движений. Специфика этой протестной волны заключалась в том, что для ее участников на первом плане находились проблемы социокультурного и социально-психологического порядка. Автор в очередной раз проявил мастерство анализа такого рода проблематики и ее роли в общественно-политической жизни США. В связи с анализом причин взлета и упадка протестных движений 60-х годов В.В. Согрин высказывает важные мысли о политическом искусстве американского правящего класса: «правительство Кеннеди – Джонсона относилось ко всем этим движениям по той же схеме, что и правительство Ф.Д. Рузвельта к “левым” движениям 1930-х гг. Оно вбирало в социальный либерализм те их положения и требования, которые не разрушали, а укрепляли устои американской цивилизации, расширяли социальную базу Демократической партии» (с. 291). Это свидетельствовало о политическом искусстве правящей элиты, способной идти на уступки, порой даже превентивные, считаться с общественными настроениями, корректировать свой политический курс, чтобы маргинализировать наиболее радикальных оппонентов. Предпосылки для этого создавала триада феноменов, выделенных В.В. Согриным. Прежде всего, демократия и либерализм благодаря правовой базе и широкому диапазону социального маневрирования. Реформистская политика либералов Дж. Кеннеди и Л. Джонсона сочеталась и с имперским мессианизмом. С этой точки зрения заслуживает внимания один из главных девизов Дж. Кеннеди “Новые рубежи” (“New frontiers”). В нем угадывается созвучие, причем не только фонетическое, со знаменитой теорией Ф. Тернера. Правда, у Дж. Кеннеди понятие “фронт” имеет не территориальный, а мессианский смысл.

Автор отмечает сложный, не поддающийся схеме характер американско-советских отношений. Так именно при ярко выраженном либерале Дж. Кеннеди отношения двух стран испытали самый острый кризис, связанный с Кубой, а при консерваторе Р. Никсоне наблюдалась серьезная разрядка. Но и во времена президентов-либералов были весьма позитивные результаты (договоры о запрещении ядерных испытаний в трех средах, о нераспространении ядерного оружия). Так что определенная преемственность между либеральной и консервативной внешней политикой имела место. В.В. Согрин концептуально интерпретирует это как динамику в соотношении идеализма и реализма в подходах демократов и республиканцев. Хотя Г. Киссинджер претендовал на сугубо новаторский подход, по словам В.В. Согрина, контуры “реализма” содержались и в политике Кеннеди – Джонсона: “Никсон и Киссинджер изменили соотношение реализма и идеализма в американской внешней политике, что не отрицает заимствования ими, пусть и в иных пропорциях, как реализма, так и идеализма своих предшественников”. “Впрочем, – продолжает автор, – нельзя отрицать и того, что киссинджерский реализм в ретроспективе американской внешней политики имел новаторский характер” (с. 378). Однако ирония истории в том, что исходным моментом для американского государственного секретаря, знатока истории международных отношений, послужила система Меттерниха, сложившаяся после Венского конгресса. В сущности, Киссинджер попытался наложить меттерниховскую “пентаркию”, основанную на фиксации

соотношения сил между тогдашними пятью великими державами, на современность. В 1970-х годах ее пятью элементами являлись: США, СССР, Западная Европа, Япония и Китай. Эта система не выдержала испытания временем, даже в XIX в., а тем более сложно было создать такую конструкцию при динамике международных отношений последней трети XX в.

Эволюция внешней политики США рассматривается в органичной взаимосвязи с эволюцией внутренней политики и военной стратегии. Раскрывается их сложное взаимодействие, в ходе которого первичные импульсы изменений могли исходить от любой сферы. Должное внимание уделяется и доктринам, создающим идеологическое обеспечение политической и военно-стратегической практике. Насколько трудно оценивать в реальности суть военно-стратегической доктрины свидетельствует, например, нисоновская доктрина “реалистического сдерживания”. Действительно, как пишет автор, она умеряла глобальные амбиции США: «прежняя установка на обеспечение вести одновременно “две с половиной войны” заменялась установкой на обеспечение способности к ведению “полутора войн”» (с. 382). Но если “гибкое реагирование”, делавшее ставку на ведение “двух с половиной войн”, предполагало, что американцы будут применять тот или иной вид оружия с учетом действий противника, то “реалистическое сдерживание” исходило из “свободы рук” для США. Кстати, и у Р. Рейгана наряду с экзотической доктриной “звездных войн” имелась на вооружении прозаическая, но чрезвычайно “колючая” концепция “конфликтов малой интенсивности”.

В.В. Согрину удалось развернуть убедительную и полнокровную картину американской внешней политики после Второй мировой войны, особенно кульминационного периода американских отношений в 80-х – начале 90-х годов. Эту картину помогает понять взаимодействие элементов триады. Именно они образуют то политическое пространство, на котором разворачивается борьба между либералами и консерваторами, именно они создают пределы, за которые те и другие не выходят, несмотря на острые противоречия. Поэтому пронизательный взгляд исследователя усматривает преемственность сквозь самый высокий накал риторики. Не случайно, периоды обострений и разрядки в период “холодной войны” чередовались вне зависимости от того, какая партия пребывала у власти. Однако финальная часть эпохи все же ассоциируется с именем Р. Рейгана. Вполне можно согласиться с авторской оценкой итогов “холодной войны”. “Большинство аналитиков, – пишет В.В. Согрин, – на сегодняшний день полагают, что в этой войне победу одержали именно США. Меньшая их часть считает, что победителей в ней не было, и она закончилась к выгоде всего человечества”. “На наш взгляд, – продолжает автор, – от завершения холодной войны выиграла значительная часть человечества, но этот выигрыш стал возможным в результате уступок СССР” (с. 428–429).

Хотя успех в “холодной войне” во многом был результатом политики консерватора Р. Рейгана, но плодами ее воспользовался и либерал Б. Клинтон. “В целом, – пишет В.В. Согрин, – президентство Клинтона стало важным этапом формирования Вашингтонской стратегии и практики внешнеполитического курса США в качестве единственной сверхдержавы, как и нового миропорядка, сменившего Ялтинско – Потсдамский. Но у великодержавной политики Клинтона и Демократической партии была особенность – ориентация на союз с ООН и стремление избежать единоличного принятия внешнеполитических решений” (с. 500). Следует отметить, что Клинтон во многом оказался бенефициарием и внутренней политики Р. Рейгана. “Среди специалистов, – замечает автор, – широко укоренилась точка зрения, что период правления демократов во главе с Б. Клинтон, в целом 1990-е гг. оказались самыми удачными для экономического развития США в XX в.” (с. 444). В частности, едва ли не важнейшим подтверждением тому служит достигнутый при Клинтоне профицит федерального бюджета. Однако этот успех в значительной степени обязан принятой еще при Рейгане в 1985 г. поправке Ф. Грэма – У. Родмэна, которая предусматривала на десятилетний срок секвестр бюджета с тем, чтобы преодолеть дефицит. Но гораздо важнее то обстоятельство, что “клинтономика” возникала не в малой мере на плечах “рейганомики”.

Советник Б. Клинтона Д. Моррис, – пишет президент в своих мемуарах, – рекомендовал ему использовать политику “триангуляции” – “то есть стараться преодолеть разногласия между республиканцами и демократами и использовать наиболее разумные идеи как тех, так и других”⁹. Б. Клинтон также признает, что был согласен со многими положениями “Контракта с Америкой”, разработанного республиканцами во главе с сенатором Н. Гингричем в 1994 г., который был принят Конгрессом, где доминировали консерваторы. При этом Клинтон отвергал обвинения в том, что политика “триангуляции” была циничной уловкой для того, чтобы переизбраться на второй срок”¹⁰. Скорее в данном случае напрашивается сравнение американского президента с его другом, британским премьер-министром Т. Блэром, который оказался во многих отношениях преемником М. Тэтчер. “Триангуляция” Б. Клинтона явно напоминала “третий путь” Т. Блэра.

Благоприятный для США исход “холодной войны”, как явствует из книги В.В. Согринна, привел к обострению противоречий между либералами и консерваторами. И те и другие почувствовали себя раскованнее. Этому же способствовало и то обстоятельство, что мировое развитие пошло не по триумфалистскому либеральному варианту Ф. Фукуямы, а скорее по жесткому сценарию “столкновения цивилизаций” С. Хантингтона. Начало XXI в. ознаменовалось обострением внешнеполитических противоречий вследствие воинственной политики Дж. Буша, из-за разразившегося в 2008 г. экономического кризиса усилились внутривнутриполитические распри. К тому же не оправдались мессианские ожидания, инспирированные избранием Б. Обамы. Довольно скоро выяснилось, что он оказался неубедительной альтернативой.

Глубинной причиной противостояния либералов и консерваторов является принципиально противоположное отношение к ключевому процессу современности – глобализации. Поток глобализации размывает американскую исключительность, национальную и культурную идентичность, негативно влияет на такой элемент триады, как “империя”. Либеральную точку зрения на этот процесс отражает суждение либерального историка А. Вольфа из его книги “Будущее либерализма”. На его взгляд, глобализация – это прежде всего “позитивное развитие”. “Либерализм, – утверждает он, – находится под угрозой не тогда, когда глобализации слишком много, а когда ее слишком мало”¹¹. Противоположное мнение ярко выражено известным британским консервативным философом. Р. Скрутоном. Он отрицает глобализацию, можно сказать глобально: “Глобализация в глазах ее адвокатов означает свободу торговли, растущее процветание и быструю эрозию деспотических режимов под натиском требования свободы. Однако в глазах ее критиков она означает потерю суверенитета наряду с масштабным экономическим и эстетическим уроном”¹². Вскоре после 11 сентября 2001 г. Скрутон объяснял причину нападений террористов на Америку тем, что США являют собой пример “самой успешной в мире попытки образования нации”, тогда как официальная европейская культура “включает в себя отказ от нации и национальной гордости”¹³. Не удивительно, что, по его мнению, “Соединенные Штаты остаются последней страной с подлинно консервативным движением”¹⁴.

С ним вполне солидарен американский историк Дж. Фонте, чья книга называется “Суверенитет или подчинение: будут ли американцы править сами или ими будут править другие?”. Лейтмотив его книги звучит так: “Демократический суверенитет и глобальное правление представляют собой несовместимые мировоззрения и будут

---

⁹ Клинтон Б. Моя жизнь. М., 2005, с. 740.

¹⁰ Там же, с. 696.

¹¹ Wolfe A. The Future of Liberalism. New York, 2009, p. 275.

¹² Scruton R. The West and the Rest Globalization and the Terrorist Threat. Wilmington (DE), 2002, p. 132.

¹³ Ibid., p. 156.

¹⁴ Scruton R. What is an American Conservative? – The Salisbury Review, Summer 2003, v. 21, № 4, p. 4.

находиться в постоянной идеологической борьбе в течение XXI века”¹⁵. Моделью глобального правления Фонте считает ЕС. Не будучи наднациональным европейским правительством, ЕС «во многих политических сферах осуществляет “наднациональное правление” с судебной и административной властью над нациями – государствами»¹⁶. Между тем, настоятельно подчеркивает Фонте, “национальный суверенитет – действительно сердце американского режима”¹⁷. Ссылаясь на данные социологических опросов, он утверждает, что большинство американцев сохраняют веру в свою национальную идентичность. Демократический суверенитет, убежден Фонте – не только фундаментальная предпосылка независимости нации-государства: “без демократического суверенитета нет функционирующей либеральной демократии”¹⁸.

Необходимо отметить, что тенденция к поляризации свойственна и самому американскому консерватизму. Он представляет собой весьма противоречивый лагерь. В последние годы на ведущую роль в нем претендует социальный консерватизм. Один из его видных представителей Р. Санторум в борьбе за номинацию от Республиканской партии в президентской кампании 2012 г. занял второе место вслед за М. Ромни, хотя надо признать, что разрыв между ними был довольно велик. Суть социального консерватизма достаточно выразительно предстает в книге американского политолога, политического консультанта и практикующего политика Дж. Белла. Название его книги говорит само за себя “Аргументы в пользу поляризованной политики. Почему Америка нуждается в социальном консерватизме”. Этот вариант консерватизма, давший о себе знать уже на президентских выборах 1968 г., превращается, по словам Дж. Белла, в “единственный величайший фактор постоянного идеологического разделения между взглядами народа и элиты, ведущего к непрерывной поляризации, которой отличается американская политика вплоть до нынешнего дня”¹⁹.

За что выступает социальный консерватизм хорошо видно из критики Белла по адресу европейских консерваторов, которые, по его словам, уступили социокультурное поле: “результатом явилась маргинализация традиционной веры, семьи и самоочевидных принципов морали”²⁰. Вообще европейские элиты после 1960-х годов “последовательно двинулись по пути морального релятивизма”²¹. Интересен подход Белла к американской исключительности. “Для Линкольна, – пишет он, – не менее, чем для Джефферсона до него и Рейгана после него, привлекательность американской исключительности заключалась в ее претензии на универсальность”²². Это же характерно, по мнению Белла, и для социального консерватизма: “базирующийся на естественном законе, в который верили отцы-основатели, американский социальный консерватизм имеет универсальное применение”²³.

Хотя социальный консерватизм существует только в США его домашние успехи, надеется Белл, окажут влияние и за пределами Америки. Социальные консерваторы должны стать оплотом западной цивилизации, поскольку Европа не в состоянии выполнять эту миссию: “сегодняшняя бюрократическая, стагнирующая, дряхлеющая Европа едва ли вообще является европейской”²⁴. Спасти западную цивилизацию, по мысли Белла, предстоит США и прежде всего социальным консерваторам: “существование американской политической поляризации, осуждаемой мультикультуралистскими

---

¹⁵ *Fonte J. Sovereignty or Submission: Will Americans Rule Themselves or be Ruled by Others?* New York, 2011, p. 183-184.

¹⁶ *Ibid.*, p. 124.

¹⁷ *Ibid.*, p. 34.

¹⁸ *Ibid.*, p. 352.

¹⁹ *Bell J. The Case for Polarized Politics. Why America Needs Social Conservatism.* New York, 2012, p. 210.

²⁰ *Ibid.*, p. 145.

²¹ *Ibid.*, p. 233.

²² *Ibid.*, p. 197.

²³ *Ibid.*, p. 301.

²⁴ *Ibid.*, p. 249.

европейской и американской элитами, служит самым убедительным свидетельством тому, что битва за западную цивилизацию еще не закончена, и идеалы отцов-основателей имеют шансы на то, чтобы на их фундаменте было создано нечто новое, призванное заменить длившееся на протяжении тысячелетия преобладание Европы²⁵. Таким образом, в политическую поляризацию США вплетается и мессианско-имперский аспект. Главным образом в консервативном лагере имеются течения, которые хотели бы в противостоянии натиску глобализации реализовать имперские амбиции, выступая в качестве спасителей западной цивилизации. Естественно, это еще более повышает накал поляризации.

Однако, на наш взгляд, в подходе к этой накаленной проблематике следует исходить из принятого в книге В.В. Согрина стремления избежать однозначности, видеть и другую сторону медали. Действительно, острота политической борьбы между американскими либералами и консерваторами достигает порой такой степени, что создается впечатление, будто вот-вот рухнут стены Капитолия. Однако либеральная демократия допускает очень высокий градус конфронтации, поскольку имеет в своем распоряжении целый арсенал эффективных методов смягчения и улаживания самых напряженных конфликтов. Это заложено в ее природе. К тому же, как это явствует из книги В.В. Согрина, в политической культуре США содержится довольно развитый консенсусный элемент. При этом в поисках выхода из конфронтационного тупика могут быть найдены не только компромиссные, но и оптимальные решения. Сама же поляризация способна придавать позитивную динамику политической жизни. Это в значительной мере обусловлено согринской триадой, взаимодействием ее элементов, как уже отмечалось, создает пределы, ограничивающие и амортизирующие поляризацию и конфронтацию. Наконец, нужно учитывать, что все это происходит в американской системе власти, которую автор определяет как элитарно-плюралистическую демократию с присущим ей, реально существующим политическим плюрализмом, который тоже является серьезным амортизатором (с. 444).

Конечно, три кита американской истории не являются неизменными. Они подвержены определенной трансформации под влиянием времени и людей, но суть их остается прежней. В свою очередь от них исходит мощное обратное влияние. Об устойчивости триады свидетельствует хотя бы тот факт, что даже, казалось бы, наиболее уязвимый элемент – “империя” после ослабления имперского синдрома сохраняет свою привлекательность и в наши дни: “политический класс США и большая часть нации в целом вернулись к идее американского лидерства и президент сопротивляться ей не стал”. И далее автор констатирует: “в 2014 г. Обама не устоял перед искусом гегемонистского вмешательства в отношения постсоветских государств и проявил себя, подобно республиканцам, как и политическому классу США в целом, приверженцем имперского лидерства Вашингтона и цивилизационного господства Соединенных Штатов в мире” (с. 544).

Монография В.В. Согрина является несомненным успехом автора. Он нашел эффективный и одновременно методологический путь к синтезу американской истории новейшего времени. Его книга должна стать необходимым пособием для историков и политологов, как студентов, так и преподавателей. Благодаря глубокому и непредвзятому анализу американской истории эта книга представляет интерес и для экспертного сообщества, заинтересованного познать политическую, социально-экономическую и социокультурную подоплеку современного развития США.

---

²⁵ Ibid., p. 89.